

Игорь Польский.

Анализ рассказа Рюноске Акутагава "Холод"

Работы по курсу «Методология современного литературоведения»

Материалом (фабулой) рассказа Рюноске Акутагава "Холод" является два отрывка из жизни Ясукичи Харикавы, являющегося литератором. Диспозиция и композиция рассказа в своей хронологической последовательности не противоречат друг другу: первый отрывок излагается в начале рассказа, и является первым и хронологически; второй отрывок отделён от первого пустой строкой, а в хронологии - несколькими днями, о событиях в ходе которых читателю ничего не сообщается. Но именно этот промежуток, пустота в несколько дней, о которых рассказчик ничего не сообщают, и есть тот композиционный ход, который, в терминологии Вygотского, помогает форме одолеть содержания. Если бы отрывок жизни Ясукичи Харикавы был рассказан без этого промежутка как серия бытовых событий, сна, случайных происшествий, то между разговором о теплообмене из первого отрывка и несчастным случаем на железной дороге из второго отрывка, возможно, не установилась бы никакая параллель, никакая связь. И именно то, что об этих днях ничего не говорится, а композиция рассказа такова, что сразу после разговора о теплообмене рассказывается о несчастном случае на железной дороге, - позволяет соединить эти два не связанных друг с другом отрывка. И, хотя тема теплообмена в фабуле второго отрывка сама по себе ни откуда не могла бы возникнуть, герой произведения, и читатель вместе с ним, воспринимает это происшествие именно с точки зрения первого отрывка, т.е. теплообмена (и эта тема теплообмена подчёркивается названием рассказа): костёр, обогревающий работников железной дороге подобно тому, как огонь в печи из первого отрывка, кровь, испаряющаяся с железнодорожных путей, остывая, и, наконец, "теплый солнечный свет", падающий в "холодный мир тонкими лучами" - всё это связывается читателем с темой теплообмена. Но теплообмен здесь выступает не как чисто физическое явление, о чём говорится уже в первом отрывке рассказа: теплообмен там уподобляется отношению мужчины и женщины, любви; в конце рассказа перед словами о тёплом солнечном свете, изливающимся в холодный мир, говорится о "душе одиноко оставленной перчатке"; и кровь, тепло которой переходит к железнодорожным рельсам, также не является просто физической жидкостью, но значит ещё какой-то другой теплообмен: речь идёт о "Жизненном тепле", о жизни, которая, "чьа бы она ни была - сторожа ли, погибшего на посту, или тяжелого преступника, - с той же неумолимостью передается дальше"... Таким образом, сам этот отдельный несчастный случай происшествия на железной дороге, благодаря композиции рассказа и его названию, воспринимается совсем в неожиданном свете, связанном с теплообменом, и наводит на размышления о глубоких основах мироздания, - таким образом, мы видим здесь, что форма одолела материал, и рассказывается в результате не о буднях литератора, не о физике и не о несчастном случае на железной дороге, но тонко и поэтически и даже как бы между делом, в центр ставятся философские и метафизические размышления об обмене энергиями - тепловой, и о более загадочном "теплообмене" энергий любви и жизни...

Рюноскэ Акутагава

Холод

Было утро, недавно перестал идти снег. Ясукиги сидел в учительской физического отделения и смотрел на огонь в печке. Огонь словно дышал – то ярко вспыхивал желтым пламенем, то прятался в серой золе. Так он непрестанно боролся с холодом, разлитым по комнате. Ясукиги вдруг представил себе холод внеземных мировых пространств и почувствовал к докрасна раскаленному углю что-то вроде симпатии.

- Хорикава-кун!

Ясукиги поднял глаза на бакалавра естественных наук Миямото, стоявшего возле печки. Миямото, в очках для близоруких, с жидкими усиками над верхней губой, стоял, засунув руки в карманы брюк, и добродушно улыбался.

- Хорикава-кун! Ты знаешь, что женщина тоже физическое тело?

- Что женщина - животное, я знаю.

- Не животное, а физическое тело. Это - истина, которую я сам недавно открыл в результате больших трудов.

- Хорикава-сан, разговоры Миямото-сан не следует принимать всерьез.

Это сказал другой преподаватель физики, бакалавр естественных наук Хасэгава. Ясукиги оглянулся на него. Хасэгава сидел за столом позади Ясукиги, проверяя контрольные работы, по всему его лицу с большим лбом разлита была смущенная улыбка.

- Это странно! Разве мое открытие не должно осчастливить Хасэгава-куна? Хорикава-кун, ты знаешь закон теплообмена?

- Теплообмена? Это что-то о тепле электричества?

- Беда с вами, литераторами.

Миямото подбросил в открытую дверцу печки, озаренную отблесками огня, совок угля.

- Когда два тела с разной температурой приходят в соприкосновение, то тепло передается от тела с более высокой температурой к телу с более низкой температурой, пока температура обоих тел не уравнивается.

- Так ведь это само собой разумеется!

- Вот это и именуется законом теплообмена. Теперь будем считать, что женщина - физическое тело. Так? Если женщина физическое тело, то и мужчина, конечно, тоже. Тогда любовь будет соответствовать теплу. Когда эти мужчина и женщина приходят в соприкосновение, любовь, как и тепло, передается от более увлеченного мужчины к менее увлеченной женщине, пока она у них обоих не уравнивается. Как раз так случилось у Хасэгава-куна.

- Ну, начинается!

Хасэгава почти обрадованно засмеялся, словно от щекотки.

- Пусть E - количество тепла, проходящее через площадь S за время T , так? Тогда H - температура, X - расстояние от источника тепла, K - коэффициент теплообмена, определяемый веществом. Теперь возьмем случай с Хасэгава-куном.

Миямото начал писать на небольшой доске нечто вроде формулы. Но вдруг он обернулся и, словно отчаявшись, отбросил мел.

- Перед таким профаном, как Хорикава-кун, даже не похваешься своим открытием. А каких трудов мне оно стоило! Во всяком случае, нареченная Хасэгава-куна, видимо, увлеклась согласно моей формуле.

- Если бы такая формула существовала на самом деле, на свете жилось бы довольно легко...

Ясукиги вытянул ноги и стал рассеянно смотреть в окно. Учительская

физического отделения помещалась в угловой комнате на втором этаже, поэтому отсюда можно было охватить одним взглядом спортивную площадку с гимнастическими снарядами, сосновую аллею дальше - красные кирпичные здания. И море - в промежутке между зданиями было видно, как море вздымает пену серых волн.

- Зато литераторы сидят на мели. Ну, как она идет, ваша последняя книга?

- По-прежнему не продается. Видно, между писателями и читателями теплообмена не возникает... Кстати, как у Хасэгава-куна со свадьбой, все еще никак?

- Остался всего месяц. Столько хлопот, что невозможно заниматься, я совсем измучился.

- Так зажался, что невозможно заниматься?

- Я же не Миямото-сан. Прежде всего надо подыскать дом, но нигде ничего не сдается. Я просто из сил выбился. В прошлое воскресенье в поисках исходил весь город. Только присмотришь свободный дом, а он, оказывается, уже сдан другим.

- Ну, а там, где я живу? Конечно, если не тяжело каждый день ездить поездом в училище.

- До вас далековато. Говорят, там можно снять дом, и жена не против, но... Эй, Хорикава-сан! Ботинки сожжете!

По-видимому, ботинки Ясукиги на какой-то момент коснулись печки: запахло горелой кожей, и поднялось облачко дыма.

- А ведь здесь тоже действует закон теплообмена.

Протирая стекла очков, Миямото исподлобья, как-то неуверенно поглядел на Ясукиги своими близорукими глазами и широко улыбнулся.

Через несколько дней выдалось морозное пасмурное утро. Ясукиги торопливо шел по окраине дачной местности, спеша попасть к поезду. Справа от дороги тянулись ячменные поля, слева - железнодорожная насыпь шириной в два кэна. Поля были совершенно безлюдны и полны смутными шорохами. Казалось, кто-то ходит среди ячменя, но это просто ломались сосульки в перепаханной земле.

Тем временем восьмичасовой поезд на Токио с умеренной скоростью прошел по насыпи, издав протяжный гудок. Поезд же из Токио, на который спешил Ясукиги, должен был пройти через полчаса. Ясукиги взглянул на часы. Они почему-то показывали четверть девятого. Ясукиги объяснил себе это расхождение тем, что часы спешат. И, разумеется, подумал: "Сегодня не опоздаю". Поля, тянувшиеся вдоль дороги, постепенно сменились живыми изгородами. Ясукиги закурил сигарету и зашагал спокойней.

Это случилось там, где усыпанная шлаком дорога, подымаясь в гору, выводила к переезду; Ясукиги подошел к нему как ни в чем не бывало. Он увидел, что по обе стороны переезда толпится народ. К счастью, владельцем велосипеда с поклажей, остановившегося у ограды, оказался знакомый мальчик из мясной. Ясукиги хлопнул его по плечу рукой с зажатой в пальцах сигаретой.

- Эй, что случилось?

- Человека переехало! Вот только что, восьмичасовым, - ответил скороговоркой лопухий мальчик. Лицо его горело от возбуждения.

- Кого переехало?

- Сторожа переезда. Он хотел спасти школьницу, которая чуть не попала

под поезд, и его задавило. Знаете книжную лавку Нагаи, перед Хатиман? Вот их девочку чуть не задавило.

- Значит, девочку спасли?

- Да, вон она там, плачет, говорят.

"Вон там" - это была толпа по другую сторону переезда. В самом деле, там полицейский расспрашивал о чем-то какую-то девочку. Стоявший возле них мужчина, судя по виду его помощник, время от времени заговаривал с полицейским. Сторож переезда... Ясукити заметил перед будкой сторожа труп, покрытый рогожей. Он вызывал отвращение и вместе с тем возбуждал любопытство - да, это было так. Из-под рогожи даже издали виднелись ноги, - вернее, одни ботинки.

- Труп принесли вон те люди.

Под семафором по эту сторону переезда вокруг маленького костра сидело несколько железнодорожных рабочих. Желтоватое пламя костра не давало ни света, ни дыма, настолько было холодно. Один из рабочих в коротких штанах грел у костра зад.

Ясукити пошел через переезд. Станция была недалеко, поэтому на переезде был целый ряд железнодорожных путей. Шагая через рельсы, Ясукити думал о том, на каком именно пути раздавило сторожа. И вдруг это ему стало ясно. Кровь, еще остававшаяся в одном месте на рельсах, говорила о трагедии, разыгравшейся здесь несколько минут назад. Почти инстинктивно он перевел глаза на ту сторону переезда. Но это не помогло. Яркие алые пятна на холодно блестящем железе в одно мгновение, как выжженные, запечатлелись у него в душе. Мало того, от крови даже подымался легкий пар...

Через десять минут Ясукити беспокойно расхаживал по перрону. Мысли его были полны только что виденным жутким зрелищем. С особой отчетливостью он видел пар, подымавшийся от крови. В эту минуту он вспомнил о процессе теплообмена, о котором они недавно беседовали. Жизненное тепло, содержащееся в крови, по закону, который ему объяснил Миямото, с непогрешимой правильностью неумолимо переходит в рельсы. Эта вторая жизнь, чья бы она ни была - сторожа ли, погибшего на посту, или тяжелого преступника, - с той же неумолимостью передается дальше. Что такие идеи лишены всякого смысла, он и сам понимал. И преданный сын, упав в воду, неизбежно утонет, и целомудренная женщина, попав в огонь, должна сгореть. Так он снова и снова старался мысленно убедить себя самого. Но то, что он видел своими глазами, произвело тяжелое впечатление, не оставлявшее места для логических рассуждений.

Однако, независимо от его настроения, у гулявших на перроне был вид вполне счастливых людей. Ясукити это раздражало. Громкая болтовня морских офицеров была ему физически неприятна. Он закурил вторую сигарету и отошел к краю перрона. Отсюда на расстоянии двух-трех метров был виден тот переезд. Толпа по обе его стороны как будто уже разошлась. Только у семафора еще колебалось желтое пламя костра, вокруг которого сидели железнодорожные рабочие.

У Ясукити этот далекий костер вызвал что-то вроде симпатии. Однако то, что рядом был виден переезд, внушало ему беспокойство. Он повернулся спиной к переезду и опять смешался с толпой. Но не прошел он и десяти шагов, как вдруг заметил, что кто-то уронил красную кожаную перчатку. Перчатка упала, когда ее владелец, уходя, снял ее с правой руки, чтобы зажечь сигарету. Ясукити обернулся. Перчатка лежала на краю перрона ладонью вверх. Казалось, что она безмолвно зовет его остановиться.

Под морозным пасмурным небом Ясукити почувствовал душу этой одинокой

оставленной перчатки. И вместе с тем ощутил, как в холодный мир тонкими лучами падает теплый солнечный свет.